

Племя Каменного Копья было не самым крупным племенем гноллов в южной половине континента Изрил, не самым богатым и не самым могущественным, отнюдь. Они занимали самые северные земли рядом с Кровавыми Полями и в основном бродили вдоль скалистых склонов вблизи горного хребта, разделявшего континент на две части.

Жизнь так далеко на севере была скудной, животных было гораздо меньше, чем на богатых равнинах или населённых болотах, да и горы были опасны, о чём не стоило забывать. Грисрит, горный хребет, почитаемый гноллами как тот, где легенды и мифы всё ещё рассекали небеса, был местом, где смертоносные чудовища нередко спускались со склонов, дабы найти более лёгкую добычу внизу.

И всё же племя жило и даже по-своему процветало в этих местах. Они зарабатывали на жизнь добычей драгоценных камней и других ценных минералов в пещерах и на склонах; постоянные лавины и меняющаяся география позволяли находить драгоценные камни близко к поверхности, и в их племени было много гноллов, имеющих [Шахтёрские] классы.

Все любят всё блестящее. Гноллы любят, люди любят, а дрейки очень любят. Их происхождение от драконов означало, что племя Каменного Копья могло продавать свои неогранённые драгоценные камни дрейкам в городах по высокой цене, что позволяло покупать еду и припасы, когда возникала их нехватка.

Но это так же означало, что большая часть племени должна проводить всё своё время за раскопками или поиском камней вдали от основного лагеря. Молодым и пожилым было слишком опасно подниматься вверх по склонам, поэтому большинство взрослых и воинов уходило в дальние походы, а молодежь и несколько опытных воинов оставались с племенем на безопасной территории.

Именно там сейчас и находилось племя Каменного Копья, в центре заснеженного участка земли, далеко от леса или подножия горы, растянувшегося с севера на запад. Участок был открытым, а значит, холодный ветер мог быть суров, но прочные жилища, которые возвели гноллы, защищали от непогоды, и, кроме того, на таких открытых просторах они могли видеть приближающуюся опасность за много миль.

В маленьком лагере кипела жизнь даже в такое раннее время. Гноллы постарше были заняты дублированием шкур, разжиганием костров для приготовления пищи, оперением стрел и снятием шкур с убитых животных для последующей переработки. В племени гноллов ничто не пропадало зря.

Юные гноллы, неуклюжие мохнатые существа, которые скакали на четвереньках не хуже, чем на двух ногах, грызущиеся и попадающие в неприятности по всему лагерю, были единственным исключением из этой эффективности. Им разрешалось делать всё, что им заблагорассудится... пока это не мешало остальным и не приводило к большим неприятностям. Взрослые и старейшины гноллов быстро хватали провинившихся за загривок и отправляли скулящего нарушителя спокойствия играть с остальными.

Гноллы были заняты рутинными делами, проживая очередной обычный день. Они расположили свои палатки неровным кругом, чтобы смягчить внезапные ветры, а ближе к центру стояла самая большая палатка – место собраний, где всё племя ело или где принимались важные решения. Перед ним горел большой костёр, ограждённый камнями, чтобы пламя не могло перекинуться на палатки из шкур и дерева.

И там, перед костром, сидел человек. Она выделялась в шумном лагере не только тем, что у неё не было меха, но и тем, что выглядела так, словно прошла через войну.

Риока Гриффин сидела на грубом шерстяном ковре, дрожа и глядя в никуда. Она смотрела вперёд, взгляд её был пустым и усталым. Она очень, очень...

Устала.

Прошло больше недели с того дня, как Риока покинула Блуждающий трактир. И сейчас в центре лагеря гноллов сидела совсем не та бегунья, что ушла.

Она была ранена. Лицо Риоки, шея... все участки кожи, неприкрытые одеждой, были красными и в ссадинах. Она сняла с себя более толстые слои одежды, чтобы обнажить руки и ноги, которые в одних местах были порезаны, а в других – пестрели жёлтым, чёрным и фиолетовым. Правую ногу покрывали укусы, а левую сторону тела и лица – неглубокие, тонкие порезы. Её лицо выглядело так, будто с него содрали часть кожи.

И она была измотана. Под глазами Риоки залежали глубокие тени, а сам взгляд был потухшим и полным отчаяния. Она едва подняла взгляд, когда к ней подошёл гнолл с миской в руках. Вождь племени Каменного Копья.

— Хрм. Вот.

Он нагнулся и, скрестив ноги, сел рядом с человеческой девушкой, поставив миску перед ней. Риока незаинтересованно посмотрела на странную серо-коричневую пасту с красными вкраплениями, смешанную с чем-то, что выглядело как... рыба?

Да, это была рыба, форель или подобный эквивалент из этого мира. Она выглядела как обычная форель, свежеприготовленная и ещё исходящая паром на холодном воздухе. Гнолл указал на рыбу.

— Вот. Ешь, пока я нанесу это.

Риока колебалась, глядя на него. Она познакомилась с этим гноллом всего тридцать минут назад, когда он помог откопать её из снега. Его звали... Уркш. Риока с трудом это вспомнила. Он был здесь Вождём, и он предложил ей еду и кров. Бегунья слишком устала и была ранена, чтобы отказаться, но...

— Спасибо. Но тебе не стоит этого делать. За мной идут.

— М-р-р. Зимние спрайты? Да, ты говорила. Но здесь они тебя не побеспокоят, я думаю. И гостеприимство было предложено; было бы неправильно отказываться, да?

Риока пожала плечами. Она смотрела на пасту в миске, когда гнолл макнул в неё большой мохнатый палец. Он потянулся к её руке, и девушка отстранилась.

— Что это?

— Целебная мазь. Это не зелье лечения, но в любом случае работает хорошо, да? И это лучше, чем тратить зелье.

— А рыба?

— Еда. Ешь. Мазь её вкус не испортит.

Риока секунду смотрела на гнолла, но потом взяла рыбу, не обращая внимания на жар, который едва не ошпарил ей пальцы. Её мучил голод, и она быстро вгрызлась в еду, выплёвывая кости в огонь.

Уркш поднял лапу и осторожно взял Риоку за правую руку, пока она ела левой. Девушка поморщилась, и гнолл ослабил хватку, чтобы держать её как можно нежнее.

— Прошу прощения. Но это должно быть сделано, да?

— Продолжай.

Риока старалась не обращать внимания на колющую боль и жжение, когда гнолл начал наносить густую пасту на её руку. Но последующие ощущения были прекрасными; она так долго бежала с болью, что после её отступления словно гора с плеч свалилась.

Уркш нахмурился, изучая руку Риоки. Он смотрел на круглые красные бугорки и неестественную припухлость плоти, которая начала уменьшаться, по мере того как мазь делала своё дело.

— Осиные укусы. Странно видеть их зимой.

Риока пожала плечами, поморщилась и раскусила рыбью кость. Она вспомнила и старалась несильно углубляться в эти воспоминания, пока говорила с набитым ртом:

— Рой был ещё не совсем мёртв, когда феи его разбудили. Достали меня, прежде чем я успела убежать.

— Понятно. А кожа? Она слишком красная даже для человеческой плоти.

— Снежки. Много снежков.

— Хрм. А это?

Уркш осторожно нанёс мазь на порезы на лице Риоки. Она слегка вздрогнула, но осталась неподвижной, жуя горячую рыбу.

— Ледяные осколки. Они заставили кучу сосуллек взорваться, когда я пробежала мимо.

Гнолл откинулся назад и нахмурился. Риока вздохнула, когда боль в руках и ногах начала ослабевать. Девушка подумала, не попросит ли он её снять рубашку и штаны, чтобы обработать остальные части её тела; она, конечно, была сильно ушиблена, но она не знала, признавали ли гноллы человеческую наготу.

Но Уркша больше интересовало небо. Он огляделся вокруг, возможно высматривая Морозных фей. В небе над головой их не было видно, но Риока знала, что они рядом. Они всегда рядом. Гнолл покачал головой, изучая раны Риоки.

— Мы знаем зимних спрайтов. Они приносят снег, иногда слякоть. Но, хотя они и проказничают, мы никогда не видели, чтобы они нападали вот так. Защищались, да, и доставляли неприятности, но никогда не причиняли таких страданий.

— Ну, я особенная.

— Хм. Очевидно, да? Что ты сделала, чтобы их разозлить? Даже те, кто стреляют в фей железом, не вызывают такого гнева.

Риока усмехнулась, вернее, оскалилась.

— Я ударила одну из них.

— Хр.

Девушка посмотрела на гнолла, а он посмотрел на неё, вскинув обе мохнатые брови.

— За этим кроется история.

— Да.

Риока вздохнула. Она дала кое-какие объяснения, когда гноллы вытащили её из сугроба, но теперь пришло время рассказать остальное.

— Если в двух словах... Я защищала друга от зимних спрайтов и ударила одного, чтобы заставить их остановиться.

— Интересно. Твой друг, это был полуэльф, да?

— Да. Они не очень хорошо ладят с Морозными феями.

— Не ладят. Это известно. Но их неприязнь к тебе... это вызывает беспокойство, да?

Риока закрыла глаза.

— Да. Это была ошибка.

Ошибка. Это слово было преуменьшением. Риока вздрогнула и постаралась больше не вспоминать. Уркш сочувственно посмотрел на неё.

— Как долго они будут преследовать тебя, ты знаешь?

— Месяц? Год? Тысячу и один день? Пока им не надоест, я думаю. Или пока я не умру.

Молчание. Гнолл глядел на Риоку, сидящую у потрескивающего огня. Тепло. Она почти забыла это чувство после стольких дней бега по холоду.

— Это кажется несправедливым.

— Дело не в справедливости. Они хотят мести, и они её получают. Правила и милосердие... им наплевать на то, что думают другие. Они делают то, что хотят, и они хотят, чтобы я страдала.

— Риока криво улыбнулась. — Я завидую такому менталитету.

Вождь Каменного Копья снова выдержал паузу. Риока знала, что он важен... по крайней мере, настолько, насколько важен любой Вождь. Насколько он важен по сравнению, скажем, с Зеварой, Капитаном Лискора, она сказать не могла, но в данный момент у неё не осталось никаких сил на дипломатию. Только всепоглощающая усталость.

— Мы, из племени Каменного Копья, предложили тебе свою защиту, и ты её получишь. Многие из наших воинов ушли в шахты в горы, но наше племя сильно, и у нас есть огонь и железо.

— Этого будет недостаточно. Серьёзно, просто... если феи вернуться, не трогайте их. Вы их ведь даже не видите?

— Они... слабо заметные. И они ничем не пахнут. Но мы обещали...

Риока засмеялась.

— Я уважаю это, но здесь вы ничего не можете сделать.

Она уставилась на огонь, вспоминая. Морозные феи. Они начали преследовать её в тот же

день, когда она покинула Лискор, без пощады и без остановок.

— Я бегу уже больше недели без передышек. От самого Лискора.

— Далекo.

— Да, но знаешь что? По пути сюда меня ни разу не побеспокоил ни один монстр. Ни один.

— Это... странно.

— Не так уж и странно. Дело в Морозных феях. Они распугали всё живое вокруг меня на многие мили.

Уркш хмурo посмотрел на Риоку, словно хотел усомниться в её словаx.

— Я не знал, что они обладают такой силой. Они духи зимы и могут приносить холод, но многие существа здесь опасны.

Риока снова горько рассмеялась.

— Ты когда-нибудь видел, как на виверну налетает рой фей? Они заморозили ту чёртову тварь

на высоте двух миль в воздухе.

Риока тогда как раз услышала ужасающий вопль над головой, когда полумёртвое существо рухнуло на землю в нескольких футах от неё. Виверна была огромным зверем, почти в три раза выше бегуньи... низший дракон без когтей с тёмно-фиолетовой чешуёй.

Девушка не представляла, как ей вообще удалось подняться обратно на ноги; удар от столкновения виверны с землёй свалил Бегунью с ног. Хуже того – феи на самом деле не убили зверя, и стоило морозу рассеяться, как виверна медленно пришла в себя, восстановила подвижность, огляделась и поняла, что поблизости была хорошая закуска, которой она сможет подкрепиться, чтобы согреться.

— Я бежала от них и только от них. Но я не могу от них убежать, пусть они и не хотят меня убить. Они просто хотят видеть, как я страдаю.

Да, страдания. Морозные феи наслаждались гневом и раздражением Риоки. С тех пор как она ударила одну из них... С тех самых пор её жизнь превратилась в мучение.

***

Риока понимала, что совершила ошибку, ударив фею в трактире Эрин, но что ей было делать? Она защищала Церию и жалеть об этом не станет. Кроме того, у неё была важная доставка от Териарха.

Поэтому она побежала. Выбежала из трактира и побежала по снегу так быстро, как только могла. Сначала феи просто следовали за ней, забрасывая её снегом, крича ей в уши, леденя её кожу. Как бы это ни было раздражающе и больно, Риока почувствовала облегчение от того, что

это всё.

Но это было только началом.

Пока с неба изредка падал снег, бегунья быстро пересекла замёрзший ландшафт и через четыре дня пробежала мимо Кровавых Полей. В первую ночь Морозные феи облили Риоку холодной водой, пока она спала. Это так быстро понизило температуру её тела, что девушке пришлось практически лечь на костёр, чтобы согреться.

На вторую ночь им каким-то образом удалось поднять в воздух горящие угли костра и сбросить их на спящую Риоку. Она залечила свои ожоги с помощью точечного использования зелья лечения, но в последующие дни перестала им пользоваться... если бы она залечивала каждый порез и ушиб, то исчерпала бы свой небольшой запас уже к концу второго дня.

Каждый день Риока вставала, ела и бежала, и при этом её донимали то одна, то сорок фей одновременно. Они бросали снежки, что, похоже, было их стандартным способом издевательств, когда у них заканчивались идеи, но они также проявляли изобретательность. Некоторые использовали веточки, чтобы бесконечно тыкать Риоку, другие дули ей в лицо ветром или находили что-то ужасно пахнущее, чтобы это на неё скинуть.

Пока Риока бежала, она столкнулась со всеми возможными зимними погодными условиями. Слепящие шквалы, которые сбивали её с курса и заводили в колючие заросли, проливной ледяной дождь, который отнимал у неё драгоценное тепло, град... Но иногда, к счастью, феям надоедало, и они переставали беспокоить её на несколько часов. Но они всегда возвращались с какой-нибудь новой пакостью.

Риока старалась не обращать на них внимания, пыталась бежать дальше. Камень, который дал ей Териарх, указывал ей на юго-запад от Кровавых Полей, и она шла по указателю, несмотря на вмешательство фей, бежала сквозь зимнюю страну чудес.

Мир, который Риока видела, был прекрасен, даже несмотря на бесящую ледяную мошкарю. Здесь был пейзаж, никогда не подвергавшийся индустриализации и которого не касались машины. И всё было таким просторным! Леса, через которые она бежала, были полны высоченных вечнозелёных деревьев, намного выше любой рождественской ёлки, которую она когда-либо видела, а по открытым заснеженным полям какой-нибудь фермер мог бы целый день ехать на тракторе и так и не доехать до конца.

На шестой день Риока выбежала на огромное замёрзшее озеро, настолько большое, что ей пришлось разбить на нём лагерь. Она даже не понимала, что это было озеро, пока её костер не растопил лёд под ним. Морозные феи ничего не сделали с ней в ту ночь, но они сдули весь снег, когда она проснулась, так что солнечные лучи сделали лёд скользким и коварным.

Почти десять миль бега по гладкому льду оставили на её боках массу синяков. Но это была лишь одна беда из многих.

Из низины Риока начала подниматься, следуя за камнем по покатым склонам, всё выше и выше. Почти ежедневные подъёмы были не хуже некоторых пробежек, на которых бывала Риока, но это означало, что феи могли играть в ещё более опасные игры. Они формировали огромные снежные шары и бросали их вниз на Риоку... снег врезался в неё с такой силой, что она кубарем скатывалась вниз. Хуже того - иногда феи замораживали особенно сложные уклоны, так что всё превращалось в гладкий лёд. Риока скатывалась вниз, выкрикивая проклятия, от которых феи хохотали, хватаясь за бока.

Но это было не самое худшее, нет. Однажды ночью Риока проснулась как раз в тот момент, когда феи сбросили на неё чёрную корчащуюся массу. Они собрали всех насекомых, каких только смогли найти, и масса недовольных жуков облепила Риоку, кусая или пытаясь заползти ей в рот.

Страдания.

Но Риока не сдавалась. Она продолжала двигаться, продолжала бежать, стараясь не истощать запас зелий лечения. Она продолжала идти, стискивая зубы, когда феи развязывали шнурки её ботинок или связывали их вместе. Она игнорировала их оскорбления, их постоянные посягательства на её достоинство. Пока она не дошла до предела.

Это случилось в тот день, когда Риока обнаружила, что феи ночью украли всю её одежду и повесили её на особенно высокое дерево. Она... сорвалась.

Кричала, швыряла камни, осыпала воздух всеми нецензурными словами, какие только могла придумать. Фейри смеялись и летали вокруг неё, пока Риока пыталась разбить их маленькие головы.

После этого Риока просто сдалась. Она села на землю, опустошённая, уверенная, что стоит ей попытаться забраться за своими вещами, как феи просто сдуют её с дерева или сломают одну из веток, на которые она обопрётся. Она сдалась и просто сидела в снегу, не обращая внимания на их выкрики и попытки привлечь внимание. А потом произошло нечто чудесное.

Морозные феи ушли.

Возможно, им стало скучно, возможно – маловероятно, но возможно, – у них была хоть капля милосердия к ней, или, скорее всего, они увидели что-то интересное в другом месте. Риока знала только, что они ушли, и, когда она убедилась, что они не прячутся, чтобы обмануть её надежды, собрала свои вещи и пустилась бежать, не зная покоя.

Фейри вернулись, когда ей стало лучше, через три дня. И когда они вернулись, они были неумолимы, как и прежде. Но Риока продолжала бежать, бежать и бежать, пока они не решили сбросить на неё как можно больше снега, похоронив её в огромном кургане. Девушка думала, что на этом всё и закончится, пока не услышала скрежет и не увидела мохнатую морду, с любопытством взирающую на неё сверху. Гнолл что-то прорычал, а затем появились другие звуки, свет, тепло и...

Тык.

Риока резко вынырнула из своих воспоминаний и огляделась. Неужели она задремала? Она сидела перед костром в лагере Каменного Копья, только было уже поздно, миска с мазью опустела, рыба чернела костями в огне, а рядом сидела маленькая гнолл, с любопытством разглядывая лицо Риоки.

— Что?

Девушка моргнула, когда взглянула на молодого гнолла. Она была маленькой, и это был гнолл, если только среди гноллов не было карликов. Но Риока всё равно подозревала, что это ребёнок, потому что у молодого гнолла была та смесь любопытства и безграничной энергии, которая бывала у некоторых детей. И она смотрела на Риоку.

— Хрр?

Гнолл протянула руку и осторожно ткнула Риоку в бок одним пальцем. Это было само по себе неплохо, но у гноллов имелись когти, даже у молодых. Риока дёрнулась, и гнолл слегка отпрыгнула назад.

— Прекрати.

Либо гнолл-ребёнок не понял её, либо ей было всё равно. Риока увидела, как гнолл скрылась из виду, но не повернула головы. Девушка снова уставилась в огонь, а потом почувствовала, как что-то укололо её спину.

Тык, тык.

Левый глаз Риоки дёрнулся. Молодая гнолл выглядела восхищённой, и она протянула руку, чтобы снова ткнуть Риоку.

— Хватит.

Любопытная лапа молодого гнолла оказалась внезапно схвачена, когда Риока крутанулась и схватила её. Гнолл широко раскрытыми глазами уставилась на Риоку.

Риока встретила с двумя испуганными глазами и почувствовала себя чудовищем. Девушка отпустила ребёнка. Все волосы на молодом гнолле встали дыбом, и... она убежала, твякая, как собака.

— Хрм. Прошу прощения. Мрша молода и ещё не знает границ.

Девушка подняла голову и увидела приближающегося Уркша с ещё одной миской в руках. Эта была наполнена какими-то лепёшками и чечевицей. Желудок Риоки заурчал, и она встала на затёкшие ноги, чтобы поговорить с гноллом.

— Я... извини за это. Я не хотела её напугать.

Старший гнолл пожал плечами.

— Лучше бояться, чем быть неосторожным, да? Она вернётся раньше, чем тебе хотелось бы. Но, думаю, в этот день её любопытство принесло пользу.

— Какую?

Уркш указал пальцем, и Риока оглядела шумный лагерь. Мрша, юная гнолл, пряталась около одной из палаток. Она исчезла, когда Риока встретила с ней взглядом.

— Это она тебя нашла, да? У молодых самые лучшие носы. Она учуяла тебя, пока другие собирали еду.

Риока нахмурилась, увидев кустистый хвост, высунувшийся из-за палатки. Очевидно, этот нос был достаточно хорош, чтобы учуять Риоку под пятью футами снега.

— Ну, я... благодарна. А феи?..

— Мы не видели их, с тех пор как они впервые покинули тебя. Не беспокойся. Вот, поешь. Ты должна восстановить силы.

Вождь передал Риоке миску и сел рядом с ней. Риока неловко ела и пыталась вести разговор. У неё было много вопросов, и вождь гноллов был радушным хозяином, но уже через несколько минут Риока почувствовала покалывание в затылке.

В этом не было ничего необычного: ей в спину глядело немало гноллов. Но только один из них был достаточно смел, чтобы экспериментально ткнуть её в шею когтем.

Риока повернулась.

— Что?

Мрша застыла, протянув руку к одному из ушей Риоки. Уркш зарычал и сказал что-то на языке гноллов... Мрша снова убежала. Риока повернулась к Вождю и приняла его извинения, но через пять минут юная гнолл вернулась, на этот раз спрятавшись за сохнувшей шкурой, наблюдая за Риокой.

Она была ненасытно любопытна. Её интересовали не только кожа Риоки, но и её волосы, и одежда. Гноллы даже зимой одевались легко, и поэтому слои мягкой одежды Риоки привлекли внимание юной Мрши.

— Прошу прощения, Риока Гриффин. Её родители - оба воины и охраняют [Шахтёров], да? Мы должны следить за ней, и она очень заинтересована в тебе, я думаю.

Уркш сел обратно к костру, прогнав Мршу. Риока кивнула. Она получила хорошее представление о том, как жило племя Каменного Копья, но ей было любопытно узнать о гноллах в целом.

— Все гноллы живут племенами?

Вождь удивился вопросу. Он помедлил.

— Некоторые нет. Они живут в городах, да? Они отказались от своего племени и являются чужаками, но мы с ними общаемся. А что?

А что? Риока едва не улыбнулась. Она была сыта, ей было тепло и не хотелось, чтобы её преследовали. И она сидела рядом с представителем вида, одновременно похожего и непо похожего на людей во многих отношениях. А что? А всё. Ей хотелось узнать всё о гноллах и о том, как они живут.

Но Риока так устала, что, покончив с едой, уже клевала носом. Уркш улыбнулся.

— Завтра будет время для разговоров, да? А пока прими наше гостеприимство, Риока Гриффин.

Он повел её обратно через лагерь, к палатке, которую гноллы поставили для неё. Это была высокая круглая конструкция, напоминавшая Риоке монгольскую юрту. Она забралась внутрь и сразу же заснула.

***

На следующий день Риока проснулась от ощущения... словно кто-то грубо водил мочалкой по её лицу. Она открыла глаза и села, обнаружив два карих глаза, смотрящих на неё.

— Какого чёрта?

Детёныш гнолла вскочила и побежала, когда Риока села. Маленькая палатка девушки была полностью разгромлена, и, когда Мрша откинула заслонку, Риока поняла, что гнолл-ребёнок забрала некоторые её вещи. Точнее, некоторые вещи Риоки были на ней.

— Верни мне мой лифчик.

Мрша оглянулась на Риоку с болтающимся на груди лифчиком. Она каким-то образом сняла его с Риоки ночью вместе с другой одеждой, в которой Риока заснула. Хорошо хоть до нижнего белья не добралась.

— Мрша. Отдай.

Гнолл колебалась. Она посмотрела на Риоку, на заслонку палатки, снова на Риоку и взвизгнула, когда девушка бросилась на неё.

Гноллы племени Каменного Копья этим ранним утром увидели, как Мрша выскочила из палатки человека, а через секунду увидели и самого человека. Риока вынырнула из-под заслонки палатки и схватила Мршу, когда юная гнолл пыталась сбежать.

Отнять лифчик у гнолла было трудно, не порвав при этом ткань и не навредив юному гноллу, которая явно ожидала, что её будут бить, судя по тому, как она пыталась вырваться. Но через минуту Риока вернула похищенное и встала... только для того, чтобы осознать, что ей действительно следовало надеть другой лифчик и какую-нибудь одежду, прежде чем бросаться возвращать этот.

Половина молодых гноллов в лагере жадно уставились на Риоку, как и некоторые гноллы постарше, хотя некоторые были достаточно вежливы, чтобы отвести взгляд. Но все взрослые посмеивались, кроме Уркша, который нахмурился и погнался за Мршей, когда та убежала.

Риока протопала обратно в палатку и вышла через пятнадцать минут полностью одетая, к разочарованию некоторых гноллов. Уркш ждал её, а дующаяся Мрша помогала разделять рыбу под присмотром старого гнолла.

— Ещё раз прошу прощения. Надеюсь, до этого твой сон не прерывали? Наши дозорные ничего этой ночью не заметили, и мы разожгли больше костров. Они должны отпугнуть спрайтов, да?

Возможно. Риока могла только пожать плечами. Она не знала ничего, что могло бы отпугнуть Морозных фей, кроме отсутствия приглашения. Эрин говорила, что Фишес пытался отпугнуть их огнём и они чуть не похоронили трактир в ответ.

— Ты должна поесть. Вот.

Гнолл снова протянул Риоке миску, на этот раз с рыбным супом и гарниром из сушёной говядины. Риока с благодарностью съела еду, хотя и была удивлена тем, что к рыбе прилагался мясной гарнир. Гноллы считали рыбу эквивалентом овощам или чем-то в этом роде?

Риока как раз закончила выскрести деревянной ложкой дно своей миски, когда услышала сопение. Она увидела рядом с собой Мршу, которая с любопытством принюхивалась к волосам Риоки. Гнолл в тревоге встала на четвереньки, когда Риока повернулась, но девушка только вздохнула.

— Всё в порядке.

Она даже не очень-то и злилась на юного гнолла. Риока вздохнула, пытаясь разгрызть жёсткое, сушёное мясо. Она не ненавидела детей, просто она не умела с ними общаться. Поэтому она изо всех сил игнорировала гнолла, пока та ходила вокруг Риоки, нюхала, трогала, тыкала и даже один раз лизнула.

— Прекрати.

Риока оттолкнула молодого гнолла и почувствовала, как та сдвинулась только немного. Даже дети гноллов были тяжёлыми. Девушка нахмурилась, глядя на Мршу, но потом поняла, что ребёнок смотрел не на неё, а вверх.

Как и все гноллы в лагере. Все они были неподвижны, всё племя Каменного Копья - более пятидесяти гноллов - уставилось в небо. Молча. Наблюдая.

Риока замерла и почувствовала, как счастье этого дня мгновенно улетучилось. Она подняла взгляд и увидела их.

Фей.

Они кружили в голубом утреннем небе, словно стервятники, и, пока Риока наблюдала за ними, ясное небо внезапно потемнело, и над головой появились облака. Девушка уставилась вверх пустыми глазами и уронила кусок мяса, который жевала.

— Вот тебе и передышка.

Когда она начала свой забег, Риока была полна решимости, готовая игнорировать и терпеть всё, что могли сделать феи. Но они были существами вечности, а она была всего лишь смертной. Они практически сломили её дух всего за неделю.

У неё была миссия, работа, доставка. Но это было так тяжело. Риока просто устала. Так устала, что хотела всё бросить и вернуться домой. Но дома-то на самом деле и нет, верно? Просто трактир, и Риока не могла вернуться. Не с пустыми руками и не с...

Она посмотрела в небо. Огонь гноллов недолго отгонял фей, если пламя их вообще беспокоило. Один день передышки. Этого было... достаточно, полагала Бегунья. Феи спускались, и теперь Риока могла видеть выражения их маленьких лиц. Девушка пожалела, что у неё зрение 20/20.

Они улыбались. По какой-то причине Риока не могла даже разозлиться на это. Таковы уж феи: непостоянные, вспыльчивые, но не злые. Просто... своеобразные.

Она встала. Гноллы всё ещё настороженно наблюдали за Морозными феями, но некоторые, включая Уркша, держали в руках оружие. Бегунья не могла позволить им драться. Феи, может, и не убивали - а может, и убивали, - но они могли уничтожить этот лагерь в считанные секунды.

Поэтому Риока встала и посмотрела на фей.

— Ну же. Чего вы ждёте?

Все её вещи были в палатке. Риока сможет их собрать за несколько секунд... в надежде, что феи не разбросают всё по дальним ветрам. Затем она вырвется из лагеря и побежит. Только так она сможет пройти через всё, что задумали феи. Было бы неправильно, если бы гноллов погребла лавина, особенно если они попытаются вмешаться.

Риока почувствовала, как её нутро скрутило при мысли о том, что ей предстоит ещё много дней и ночей подвергаться травле. Но такова жизнь. Это была её жизнь, и всё было именно так. Возможно, это был ад. Но, возможно, это было просто наказание. За всё.

Одна из фей по спирали спустилась вниз и посмотрела на Риоку.

— Развлекаешься с собачьим народом, смертная? Мы не боимся их огня, и их лагерь открыт для всех. Но, знаешь, если ты станешь пресмыкаться, мы, возможно, смилостивимся и не будем засыпать всё снегом.

Риока с удивлением уставилась на фею. Обычно её так не приветствовали. Оскорбление и лицо, засыпанное снегом, были бы привычнее.

— Иди ты.

Девушка подождала, но Морозная фея не напала. Вместо этого маленькое создание лишь слегка нахмурилось.

— Ты уверена? Если ты немного склонишь голову, мы смягчимся.

Вот это было подозрительно. Риока сузила глаза. Её мозг, бездействовавший так долго от беготни и просто выживания, начал снова включаться в работу.

— Ничего я делать не стану. И, если бы ты хотела напасть на меня, тебе было бы всё равно, что я сделаю. Что тебя останавливает?

Фея помедлила.

— Да так, сущая мелочь. Но мы решили, что милосердие будет предпочтительнее. Даже для такого бесполезного смертного, как ты.

Риока только вскинула бровь. Фея надулась, раздувая щёки.

— Ну, мы должны небольшую услугу. Крошечную, правда. Мы обещали простить твоё нападение, и мы это сделаем. Но немного преклонения не помешает, смертная.

Смертная дурочка не обратила на это внимания, пока её мысли метались. Что только что сказал фея? Услуга? Услуга фей? Это было невероятно, странно и подозрительно одновременно. Но феи не лгали, а если и лгали, то нечасто, и Риока решила, что они говорили правду. Тогда кто и как смог заставить их перестать её доставать?..

Глаза девушки сузились. Риока подняла взгляд на фею.

— ...Эрин.

***

Она это сделала. Я не знаю как, но она это сделала. Эрин смогла заслужить расположение фей, а я...

Будь я проклята, но мне завидно.

И я устала. Полностью вымоталась. Я просто хочу отдохнуть.

Феи оставили меня в покое. О, они пытались заставить меня склониться, молить о прощении и танцевать для их развлечения, но, похоже, то, что я ударила одну из них, действительно прощено. Означает ли это получение иммунитета к их обычным проделкам – это уже другой вопрос; я видела, как они вытащили стрелу из колчана гнолла и использовали её, чтобы, словно копьем, пронзить одну из пойманных рыб и унести её.

Должна ли я покинуть племя? Уркш говорит, что всё в порядке, и, возможно, так оно и есть. Но я всё равно устала.

Так устала.

Некоторые дни... они вот такие. На самом деле, большинство дней дома были похожи на сегодняшний. Я помню эту пустоту. Пустота в груди, эта нехватка...

Нехватка чего-либо, ради чего стоит жить.

Как я могу описать это? Это как усталость, но только в сердце. Тело может чувствовать себя

свежим и отдохнувшим, как угодно, но в голове ничего нет, в душе нет страсти. Мне ничего не хочется делать и не к чему стремиться.

Это то, чего в моих воспоминаниях о взрослении больше всего.

В моём сердце пустота, маленькая дырочка, которая засасывает в себя чувства. Она ждёт, маленькое существо, которое с каждым днём становится всё больше, пока не поглотит меня целиком. Великий зверь безразличия.

А может быть, это шёпот моего отчаяния, которое даже больше.

Я бесполезна. Это правда. Неоспоримая правда.

Я нахожусь в магическом мире, но до сих пор ничего не смогла добиться. Я не могу выучить ни одного нового заклинания, я отвергаю систему классов, я не могу убивать или помочь своим друзьям...

Все эти мысли от того, что я сейчас вымотана. Завтра, может быть, мне станет легче, но сейчас я подавлена и знаю это. От этого лучше не становится. Потому что я чувствую в голове один и тот же ужасный цикл.

Тот же, что и в детстве. Этот ритм, под который я бегу; ритм моей жизни.

Оставаться одинокой. Ссориться с друзьями. Игнорировать родителей. Бунтовать. Причинять

неприятности. Оставаться в одиночестве. Жить в своей голове. Желать смерти другим людям.

Что-то в этом роде.

И сейчас, когда я сижу здесь, у тёплого огня в убежище, и с полным животом, я всё ещё в отчаянии. Потому что я могу поднять взгляд на два дюйма вверх и увидеть предел своих возможностей, проплывающий рядом с моей головой.

Одна из Морозных фей машет мне рукой и бросает немного снега мне в лицо. Он тает на моей коже. Я смотрю на это мерцающее создание из хрусталя, льда и магии и вижу нечто чудесное. А также отчаяние.

Здесь стоит непреодолимая стена. Это смешно, но, глядя на фей, я не могу представить, что когда-нибудь смогу победить одну из этих тварей. Однажды я ударила одну и чуть не потеряла руку от обморожения. Их тела - лёд, но их природа - магия. Как можно их уничтожить? Возможно, Териарх смог бы это сделать, но я не дракон.

Они могут заморозить виверну за несколько секунд, наколдовать снег и лёд, они практически невидимы и неприкасаемы. Именно так. Одна из этих маленьких ледяных ос-переростков намного, намного сильнее, чем Риока Гриффин когда-либо сможет стать.

И теперь она говорит со мной голосом, от которого ушная сера начинает вибрировать в ушах.

— Ты должна быть благодарна, дурачина. Если бы не твой друг-человек, мы бы прогнали тебя отсюда и преследовали до конца света.

Забавный факт о феях: они никогда не здороваются, не прощаются и не говорят никаких любезностей, которые используют люди. Они говорят прямо и по существу: ещё одна вещь, которой я восхищаюсь в этих ублюдках.

И они говорят со мной, что редкость, но не необычно. Иногда они так делают, когда им надоедает превращать мою жизнь в кошмар. Они плавают рядом с моей головой и болтают со мной, хотя отказываются отвечать, если говорю я.

Но сегодня всё по-другому. Моя гордость исчерпана, поэтому я смотрю на фею.

— Что она сделала? Эрин, я имею в виду.

Фея сужает глаза, словно раздумывая, стоит ли ей отвечать. Но затем она вскидывает свой маленький подбородок, словно королева.

— Она сделала то, что мало кто из смертных помнит, как делать в любой день и век. Она почитала нас. Она следовала традициям. Но самое чудесное из всего — она приготовила еду,

пригодную для фей.

Я смотрю на фею. Часть меня, большая часть, хочет спросить, как трудно приготовить миску сахара с молоком. Другая часть хочет спросить фею, сколько мёртвых улиток пришлось собрать Эрин, чтобы их всех накормить. Третья часть просто хочет дать пощёчину этой чёртовой штуке.

Но все эти желания могут привести к неприятностям или, по крайней мере, к тому, что я получу льдом в лицо. Поэтому я смотрю на фею и спрашиваю:

— Как? Навык?

Фея выглядит оскорблённой. Это практически их стандартное выражение лица рядом со мной.

— Навык? Пха! Слово знания и истинную магию можно так просто разлить по бутылкам! Нет, то, что она сделала, она сделала сама, и за это она особенная.

Особенная. Да. Я ненадолго закрываю глаза. Эрин действительно особенная. Глупая и странная, но по-своему уникальная.

Я оглядываюсь. Мрша сидит рядом со мной и смотрит на фей. Интересно, что она видит? Другие гноллы дёргают ушами, когда я говорю, но не думаю, что они слышат, что говорят феи.

Часть меня по-прежнему не хочет иметь ничего общего с этими существами, но они отличаются от людей вроде Персуа. Она трусиха и ненавистная дура, но феи, по крайней мере, честны в своих действиях и никогда не пытались искалечить меня на всю жизнь.

К тому же они волшебные. А я должна знать о магии как можно больше. Поэтому я открываю рот, пусть и неохотно.

— Я слышала, что идио... люди из моего мира ходят оставлять еду и подарки для фей. Вы тоже их навещаете?

Фея снова выглядит оскорблённой. Она поднимает два пальца в мою сторону* и фыркает.

*Ах, прекрасный знак V. Это определённо означает, что она из Великобритании или какой-то колонизированной ими страны. Все ставки на Великобританию, учитывая их акцент.

— Мы? Посещаем ваш жалкий вид и берём ваши малые дары? Мы покинули ваш разрушающийся, умирающий мир много веков назад. Ваша земля умирает, и смерть наполняет воздух. Мы ничего от этого не хотим.

И вот так просто она огорошивает меня этой информацией. Я подозревала, что феи путешествуют по мирам, но наш? У нас когда-то были?..

И мы потеряли их из-за загрязнения. Твою мать.

— Ты хочешь сказать, в нашем мире когда-то действительно были феи?

Фея выглядит разочарованной, и я только сейчас замечаю, что рядом с нами плавают и другие. Неужели им интересна эта тема?

— Когда-то. Неужели у вас не осталось историй, рассказывающих о нас?

Она выглядит почти... подавленной. А я смотрю на неё и вспоминаю.

— Эскалибур. Король Артур. Эта история - основа современной культуры.

Но феи не выглядят счастливыми. Одна из них качает головой.

— Это всё, что вы помните? Ничего о других историях?

Предостерегающие басни, истории о феях, похищающих детей... Не думаю, что это то, что они ищут. Я колеблюсь и ломаю голову. Думай. Старые мифы...

— Вы... Туат Де Дананн?

— Туат! Это всё равно, что назвать нас Фоморами, дура ты, дура!

Отлично. Теперь они оскорблены только больше. Но опять же, ответ ошеломляет.

— Значит, Туат существуют?

Теперь их очередь колебаться.

— Может быть, не в твоём мире, паршивка. Но в каждой сказке есть доля правды. В другом мире, возможно. Но ты никогда не проживёшь достаточно долго, чтобы узнать всю правду.

— Я помню старые истории. Такие герои, как Кухулин, действительно когда-то ходили по нашей земле?

Феи делают паузу, а затем в их взглядах появляется выражение бесконечного сожаления.

Всего на секунду.

— Не по твоей, смертная. Не по твоей. В мирах есть магия, но в твоём не ходили ни герои, ни легенды. Никто из истинных или достойных. Всё, что у вас есть сейчас, — это пыль и старые мечты.

Это не должно быть больно. Действительно не должно. Но я надеялась... нет. Я должна была догадаться. Я с горечью опускаю голову. В конце концов, это была всего лишь детская мечта.

— Ни богов, ни героев. Думаю, супергерои были лишь мечтой.

Мелочное желание от мира, который слишком слаб, чтобы спасти себя сам. Я закрываю глаза и отворачиваюсь. Это и есть наш мир? Место без магии и легенд?

Я встаю. Хватит с меня фей. Я направляюсь в свою палатку, чтобы лечь. Подумать. Может быть...

— Подожди, подожди. Что она сказала?

— Супергерой? Что это?

Я останавливаюсь, замерев спиной к феям, и оборачиваюсь. Ничего не могу с собой поделать.

— Вы никогда не слышали о супергероях? Супермене? Бэтмене?

Я чувствую себя глупо, произнося эти имена вслух перед реальными существами из мифов и легенд. Но феи обмениваются взглядами и качают головами.

— Нет.

— Не-а.

— Мы не слышали о них. Но, если они герои, ты, разумеется, знаешь их историю?

Я колеблюсь. Но вот Мрша поднимает на меня взгляд. И медленно в моей голове проносится мысль, так медленно, что я не могу в это поверить.

Конечно. Если феи улетели сразу после рассвета загрязнения окружающей среды - возможно, после промышленной революции, - они никогда не слышали о супергероях и вообще ни о чём с тех пор.

Но имеет ли это значение? Не имеет. Это просто истории, причём глупые. Современные легенды, призванные заработать деньги на продаже комиксов. Но я всё равно колеблюсь.

Когда-то.

Когда-то жила-была девочка, которая прыгала в красном плаще, сделанном из занавесок, которые она сорвала. Если бы у меня не было фотографий, я бы не поверила. Но это правда. И, если признаться, я ходила в кино на супергеройские фильмы.

Может быть, именно это заставляет меня повернуться и сесть обратно. А может быть, меня это заставляет сделать то, чем мы немного похожи, феи и я. Мы можем быть разными по размеру, темпераменту... ну, не по темпераменту, а по нашей природе, смертной и фейской, но в одном смысле мы похожи.

Мы не можем позволить некоторым историям умереть. Мы надеемся. И это то, что заставляет меня начать говорить:

— Я знаю несколько историй. О героях, о которых вы никогда не слышали.

— Ха! Это, наверное, не очень хорошие истории.

Но мне кажется, или теперь все феи плавают вокруг моей головы? Они сгрудились так плотно, что даже гноллы что-то видят. И Мрша сидит, уставившись на меня, а я оглядываюсь и вижу, как ещё несколько детей гноллов смотрят на меня издалека.

Ну что ж. Может быть, просто может быть?.. Но какую историю мне рассказать? Они все глупые, и с культурной точки зрения они не имеют смысла. Как можно объяснить хотя бы половину того, что они делают?

Но другая часть меня говорит, что это не имеет значения. Это истории вне времени. Детали могут меняться, но герои остаются. И вот я колеблюсь, а потом смотрю на огонь. Какую выбрать? Ну, мне всегда нравились определённые две.

Одна - тёмная, а другая - светлая. Двойственность. Но если у меня есть выбор, о каких героях

рассказать тому, кто никогда о них не слышал, это были бы эти двое*.

*И, возможно, Человек-паук. Но, честно говоря, я никогда не увлекалась Marvel так сильно.

И, если честно, Супермен мне всегда нравился больше, чем Бэтмен. Итак, я смотрю вверх, на небо. Тёмные грозовые тучи всё ещё там, но они понемногу рассеиваются, и это мелькает голубое небо?

Возможно, нет. Но, возможно, и да. Поэтому я делаю глубокий вдох и смотрю на фей, Мршу и небо.

После чего начинаю:

— Вы верите... что человек может летать?

— Да!

— Нет!

— Глупцы! Любой смертный может летать с помощью магии!

— Любой может летать несколько секунд, если столкнуть его с обрыва!

— Заткнитесь.

Они затихают. И теперь у меня есть аудитория. Я делаю глубокий вдох. Моё сердце почему-то быстро бьётся. Почему? Это всего лишь история.

Но она хорошая. Я должна её рассказать. Это то, за что я цепляюсь, легенда, которую я хочу сделать правдой. И, может быть, просто может быть, в ней есть магия.

— Давным-давно... нет, далеко-далеко, так далеко, что вам и не снилось, жил-был мальчик. И его мир умирал. Но родители хотели, чтобы он выжил, и отправили его далеко-далеко. Не с помощью заклинания или какого-то волшебства, как вы знаете. А на корабле. Чудесном корабле, сделанном из металла и стекла. Он унёс мальчика в воздух, выше гор и дальше самого дальнего моря, через миры, через космос. Родители отправили его туда, чтобы он жил, пока их мир умирает. Их мир назывался Криптон. Но мальчик долгое время не знал этого. Он пролетел

долгий путь, пока не угодил в наш мир... мой мир, где жила молодая пара. Это были два человека, их звали Марта и Джонатан Кент, и они нашли мальчика в его корабле, когда он приземлился в их мире. И они назвали его Кларк...

***

Истории. Они мало что значат для тех, кто их не слушает. Но для некоторых они значат всё.

Возможно, если бы вы жили вечно, вас бы не волновал ход смертных жизней, заботы тех, кто мелькает и исчезает, как мошки. Но я думаю, что вас всё равно бы волновали истории. Вас бы по-прежнему волновали рассказы, даже если истории, которые они описывают, прошли мимо вас. Потому что, в отличие от хрупкого тщеславия смертных империй, некоторые истории бессмертны.

А иногда люди сочиняют новые истории, которые становятся легендами. Возможно, рассказы о Супермене, Бэтмене и других героях, на которых я выросла, не являются такими историями. Возможно.

Но они чертовски близки к этому.

Я не рассказчик, и у меня нет дара говорить красиво. Чёрт, моё горло болит уже после первых пяти минут. Но у меня есть аудитория, которая цепляется за каждое моё слово, разинув рты, включая Мршу с другими гноллами. Возможно, они не понимают всех нюансов, но они понимают героев, и я думаю, что они так же потрясены идеей супергероя. Не кого-то с [Классом], а действительно сверхъестественного человека, того, кто может поднять гору над головой, у кого кожа прочнее драконьей чешуи и кто может обогнать даже самую быструю стрелу*.

*Слушайте, мне пришлось немного импровизировать, чтобы объяснить. А Бэтмен... ну, трудно объяснить парня, который бродит в тенях и прыгает со здания на здание, представителям другого вида. Я сделала всё, что могла.

Возможно, всё это было бессмысленно, но в тот день я сидела перед костром и рассказывала истории из своего мира. Не один час и даже не пять, а целый день. Костёр передо мной то затухал, то разгорался ярче, когда гноллы подбрасывали в него дрова. Лагерь шумел, но медленно, тихо, пока гноллы работали и слушали.

Первыми были супергерои, но на них всё не закончилось. Я кое-что осознала, пока рассказывала первую историю, а потом историю Бэтмена. Эти разумные, этот мир... они никогда не слышали таких историй. Никогда. И это осознание стоит больше денег, чем...

Я поразмышляю об этом позже. Некоторые вещи стоят дороже золота, как, к примеру, выражение лиц Морозных фей, когда я рассказываю им, что они упустили.

— В одном мгновенье видеть вечность,

Огромный мир - в зерне песка,

В единой горсти - бесконечность,

И небо - в чашечке цветка.

Уильям Блейк, «Знамена невинности». Печатное издание. Не уверена насчёт даты... 1800-е годы? Но феи никогда не слышали этих слов. У них на глазах наворачиваются слёзы, и некоторые гноллы выглядят такими же тронутыми.

Сколько лет? Двести? Триста? Что-то вроде этого. Для фей, я полагаю, кажется, что, с тех пор как они ушли, прошло совсем немного времени. Но как многого добились люди с тех пор? Может быть, не так много в плане моральных достижений или эволюции наших тел, но огромных успехов в таких областях, как литература.

Они ведь никогда не слышали «Властелина Колец». Хах. Всё это время они кружатся вокруг моей головы, крича.

— Они выжили, они выжили!

— Кольца! Выкованные во тьме, чтобы связывать души! Да! Откуда человек узнал?

— Малый народ! Они их помнят!

— В Мордор! В Изенгард! На край земли!

— Ты не пройдёшь!

— Заткнитесь!

День наполнен хорошими и плохими моментами. На самом деле, в основном хорошими. Я рассказываю эти истории, и вы удивитесь, насколько эмоциональными бывают гноллы. Они не сдерживают свои реакции.

Я могу закрыть глаза и вспомнить тысячу случаев, когда мои слушатели хватали воздух ртом, аплодировали или реагировали с удивлением и благоговением на истории, которые я почти забыла. Но один момент запомнился мне особенно, когда я сидела под тёмным небом, усыпанным звёздами, и пересказывала момент из «Властелина Колец».

Трюковая память. Это был всего лишь один диалог в трёхчасовом фильме из квартета фильмов, но я навсегда запомнила его.

— И Гэндальф сделал паузу и заговорил. Он посмотрел на Пиппина с улыбкой и сказал: «Конец? Нет, наш путь не кончается смертью. Смерть – лишь продолжение пути, начертанное

всем. Серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно, и ты увидишь». И Пиппин сказал: «Что? Что, Гэндальф? Что увижу?» — Я оглядываюсь вокруг, окидывая взглядом замороженную аудиторию, и делаю вдох: — Белые берега и за ними — далёкие зелёные холмы под восходящим солнцем.

Закончив говорить, я поднимаю глаза, собираюсь закончить сцену и описать, как Рохиррим пришли на помощь Гондору. Но я делаю паузу и мешкаю. Я вижу, как крупница чего-то светлого, чистого и вечного падает на землю и тает в снегу.

Слеза.

Фея, парящая в воздухе надо мной, медленно опускается вниз, пока не оказывается прямо передо мной, глядя глаза в глаза. Она смотрит на меня, и её голос тих.

— Я ошибалась, смертная. В твоём мире ещё есть нечто, что стоит увидеть и услышать.

Она говорит только это. Я прочищаю горло и продолжаю говорить дальше. Но после этого я чувствую изменение в воздухе, просветление. Разницу в том, как их маленькие глаза теперь на меня смотрят.

Может быть, просто может быть, не все истории вызывают столь бурные реакции. Я продолжаю рассказывать истории до самой ночи, пока костёр не затухает и все не начинают дремать. Но я ложусь спать с улыбкой.

Некоторые недели, некоторые месяцы, даже некоторые года бывают плохими. Но достаточно одного дня, чтобы всё изменилось.

Один день и истории. Немного волшебства.

Может быть, это всё, что мы принесли из нашего мира, но...

Этого достаточно.

***

Стоял ясный и светлый день, когда Риока пожала руку Вождю племени Каменного Копья и попрощалась с гноллами, собравшимися, чтобы её проводить. Она совсем не походила на того человека, который, едва переставляя ноги, вошёл в их лагерь, израненный и измождённый. Она стояла прямо и высоко, и плоть её была исцелена. И в ней появилось что-то ещё... Искра в глазах.

Она улыбнулась Уркшу и слегка склонила голову.

— Я в долгу перед тобой, Уркш из племени Каменного Копья. Когда-нибудь я верну его.

Уркш слегка покачал головой, протягивая Риоке пополненный рюкзак с провизией.

— Нет никакого долга за радость, которую ты нам подарила. Если ты захочешь остаться, мы будем рады тебе, Риока Гриффин.

— Трёх дней более чем достаточно. Они заскучают и начнут доставлять вам неприятности, если я не уйду в ближайшее время. Мне нужно двигаться дальше.

В небе, высоко над головой, летали Морозные феи, обменивались шутками, смеясь, но в кои-то веки не донимали её. Уркш посмотрел вверх и покачал головой.

— Ты не знаешь точно, куда идёшь?

— Вроде того.

Риока заколебалась, а потом показала гноллу камень со стрелкой.

— Я думаю, он ведёт меня к какому-то [Некроманту].

Вождь выглядел обеспокоенным.

— Мы знаем об одном Некроманте, но он мёртв. И даже меньший будет ужасен. Идти, опираясь только на камень, опасно, да?

— Ха! Это то, что ты ищешь, человек? Почему ты не сказала об этом? Мы можем найти твоего оживителя мертвецов гораздо легче, чем эта безделушка!

И Уркш, и Риока посмотрели вверх. Одна из фей слетела вниз и одарила Риоку острозубой улыбкой.

— Мы чувствуем, где собираются мёртвые. Если хочешь, мы отведём тебя к тому, кого ты ищешь.

Риока недоверчиво посмотрела на неё, но затем выражение её лица изменилось. Девушка

кивнула.

— Если вы знаете, куда идти, то я согласна.

Что-то дёрнуло её за рубашку. Риока посмотрела вниз. Это была Мрша. Девочка-гнолл настойчиво дёргала Бегунью за одежду. Она выглядела очень расстроенной. Риока поколебалась, но потом повернулась и наклонилась. Она погладила Мршу по голове, как ребёнка, взъерошив ей волосы. Гнолл отстранилась, но продолжила умоляюще смотреть на Риоку.

— Мне нужно идти.

Риока повернулась, и... неужели Морозные феи улыбались? Это был всего лишь миг, но она могла поклясться, что они улыбались Мрше. Однако, когда Риока повернулась к ним, на их лицах появилось привычное озорство или презрение. Но это тоже было лишь притворство, не так ли?

— Давай, медленный человек! Мы идём на запад, на запад, навстречу смерти! Ты расскажешь нам много историй, пока мы будем путешествовать, так ведь?

— Может быть.

Феи нахмурились. Одна из них перевернулась в воздухе на спину.

— Ба! Это просто другой способ сказать «никогда»!

— Я расскажу вам истории, если вы не будете мешать мне бежать, но только после того, как мы остановимся. Договорились?

— Может быть.

Риока закатила глаза, но потом действительно пришло время уходить. Мрша повисла на ноге девушки, но в конце концов Риоке удалось её отцепить. Бегунья повернулась, помахала рукой

гноллам и отправилась в путь. Стоял ясный тихий денёк, и зимний воздух был хрустящим и свежим.

Она улыбнулась и в последний раз помахала рукой, когда далёкие фигуры и палатки скрылись из виду. В этот раз Риока бежала не от чего-то, а к чему-то. И она следовала за феями.

Хорошее настроение Риоки продержалось пятнадцать минут, пока она бежала по свежему снегу. Затем ей в лицо попал снежок, и она услышала голос в ухе:

— Упс!

<http://tl.rulate.ru/book/2954/2512977>